

ХУБУТИЯ А. С. — в НАРКОМЗЕМ и ПОМПОЛИТ

ХУБУТИЯ Андрей Самсонович, родился в 1900-х. В 1925 — после окончания сельскохозяйственного факультета государственного университета направлен для стажировки в Германию. В 1930 — после сдачи государственных и докторских экзаменов вернулся в Грузию. Работал в плановых и научно-исследовательских институтах по сельскому хозяйству. Доцент Сельскохозяйственного института, с 1935 — заведующий планово-финансовым сектором Управления животноводства Самтреста. В ноябре 1935 — передал заявление в Наркомзем Грузии, передав копию в Помполит.

<11 ноября 1935>

«Копия

«Наркомзему ССР Грузии
тов<арищу> Матикашвили

Андрея Самсоновича
Хубутя

Заявление

Ввиду того положения, которое создалось разбором моей старой работы, написанной в 1928/29 году в Германии, которую я раньше всех официальным моим заявлением, как Дирекции Сель<ско>-Хоз<яйственного> Института, так и Сектору Кадров Н<ар>К<ом>З<ема> Грузии, решительно и с полным сознанием всей глубины моих ошибок, отверг, а также ввиду необходимости дачи более детального объяснения по этому вопросу, обращаюсь к Вам с настоящим заявлением и прошу Вашего внимания.

Как известно, в 1925 году, по окончании сель<ско>-хоз<яйственного> факультета Гос<ударственного> ун<иверсите>та, я был командирован Наркомпросом Грузии в Германию к известному профессору в Берлине Эребо для получения научной подготовки по организации сельского хозяйства. Под руководством этого профессора я работал как практически, так и теоретически четыре года, сдал при Берлинской Сель<ельско>-Хоз<яйственной> Академии хорошо (а по моему специальному предмету — организации сельского хозяйства — весьма хорошо) Государственный, а затем и докторский экзамены и в 1930 году выехал обратно в Грузию. Моя диссертационная работа: "Зоны интенсивности Сельского Хозяйства Грузии" написана под руководством моего тогдашнего учителя проф<ессора> Эребо в 1928/29 г<одах>.

Как это я позже осознал, в работе был допущен ряд политических ошибок, да и вся работа по своей методологии была вовсе неприемлема.

Поскольку я не посылал и не имел возможности послать средства для печатания этой работы, я был уверен, что она не будет издана. Но к моему удивлению и сожалению я получил пять экземпляров этой работы в начале сентября с<его> г<ода>. Работа, оказывается, была издана в 1933 году. Я, конечно, нисколько не желая скрыть такого положения, сейчас же передал один экземпляр работы заведующему Учебной Частью С<ельско>-Х<озяйственного> И<нститута> Грузии тов<арищу> Баджадзе, заявив ему, что работа неприемлема, написана всецело на основе буржуазной методологии, включает в себе ряд грубейших политических ошибок, и что я хочу написать пока краткое опровержение, а затем более детальную работу по этому же вопросу, основанную на

Марксистско-Ленинской методологии и включающую в себе все наши гигантские достижения за период первой и начало второй пятилетки. Тов<арищ> Баджадзе предложил мне подождать с тем, чтобы после пустить опровержение с обоюдной подписью, в очередном номере вестника Сель<ско>-Хоз<зяйственного> Института. Об этом он доложил и Директору СХИ — тов<арищу> Буачидзе.

Я ждал до самого конца октября, что и послужило причиной опоздания официальной публикации с моей стороны и своевременного признания моих ошибок в печати.

К концу октября с<его> г<ода> Квалификационная Комиссия потребовала спешно сдать все документы и печатные работы. Работу и все мои документы я сдал как Сель<ско>-Хоз<зяйственному> Институту, так и Сектору Кадров Груз<инского> Наркомзема, изложив в препроводительной бумаге в основных чертах недостатки и грубейшие политические ошибки, допущенные в моей работе. При этом я просил как Квалификационную Комиссию при СХИ, так и Сектор Кадров признания моих документов по академической квалификации, выданных Берлинской Сель<ско>-Хоз<зяйственной> Академией, с условием предоставления мне возможности в дальнейшем соответствующего выправления допущенных ошибок.

В чем заключаются мои ошибки, допущенные в диссертационной работе, написанной в Германии 1928/29 г<одах>?

Первой грубейшей политической ошибкой является допущение такого предложения на стр<анице> 29 моей работы, что как будто "в 1921 году русская Красная Армия заняла Тифлис". Обывательская слепота, которой в тот период, говоря совершенно откровенно, я был заражен, не давала мне возможности ясного анализа действительного положения вещей. Не русская Красная Армия, а массовое рабочее движение в Грузии, зародившееся еще в 90-х годах прошлого столетия под руководством Коммунистической Партии во главе с Великим Сталиным, было той основной движущей силой, которая свергла разложившуюся окончательно меньшевистскую власть в Грузии. Это положение с полной очевидностью вскрыто тов<арищем> Берия в своем докладе: "К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье". Об этом двух мнений быть не может.

В этом отношении смягчающим мне вину обстоятельством служит весьма положительная оценка работы Советской власти в Грузии, данная в моем труде перед лицом тогдашней фашистской Германии и разгула эмигрантского террора.

Несмотря на недостаточную полноту материалов, которые находились в моем распоряжении тогда в Берлине, я старался особенно подчеркнуть большую работу Коммунистической Партии и Правительства СССР во всех областях строительства по Сельскому Хозяйству.

Так, например:

1. На странице 47-48 моей работы мною раскрыта в основных чертах сущность великой аграрной революции, произведенной Советской властью в Грузии, которая окончательно ликвидировала частную собственность на землю, вековую кабалу крестьянства и дала широкое поле развитию социалистического сельского хозяйства.

2. На странице 46-й я подчеркиваю, до какой степени активной задачей было объявлено Советской властью проведение мелиоративных работ по осушению и орошению громадных, веками пустующих площадей в стране.

3. На стр<анице> 67-й я говорю об энергичнейших мероприятиях Советской власти по развитию субтропического хозяйства и использованию, таким образом, огромнейших пространств.

4. На стр<аницах> 75-76-й особое внимание я обращаю на значительное расширение ценных технических культур, как то: хлопка, идущего для создания собственной текстильной индустрии в стране, и табака, который в период господства меньшевиков, в период, который характеризуется полной хозяйственной разрухой и острым продовольственным кризисом (см<отреть> диаграмму цен на стр<анице> 32, а также стр<анице> 76) сильно сократился, опустившись даже ниже довоенного уровня. К концу восстановительного периода 1928/29 г<одов> культура табака не только была доведена до уровня довоенного времени, но даже превзошла ее на 30-50%.

5. На стр<анице> 82-й я указываю на особенно энергичную работу Советского Правительства по восстановлению и дальнейшему развитию виноградарства, которое является одной из основных отраслей Сельского Хозяйства Грузии.

6. На стр<аницах> 42-43 я выявляю в прошлом жестокую эксплуатацию безинвентарного крестьянства кулаками при посредничестве так называемого "ало", когда обработка полугектара земли безинвентарному крестьянину обходилась 20-25 дней работы, чему с приходом Советской власти, как известно, положен конец и т<ак> д<алее>.

Это и ему подобные факты, приведенные в моей работе, разве не характеризуют в высокой степени прогрессивную работу Советской власти в Грузии на пользу всего трудящегося населения. Не замечать этого в моей книге было бы больше, чем несправедливо.

Я здесь, конечно, не могу остановиться на всех деталях работы в этом отношении, но считаю необходимым подчеркнуть, что давать весьма положительную характеристику деятельности Советской власти в Грузии в условиях тогдашней фашистской Германии и разгула эмигрантского террора — это нелегкая задача и требовала немалого мужества.

Вторая моя грубая политическая ошибка при разборе отрицательных сторон вытеснения зернового хозяйства из Грузии заключается в допущении возможности хотя бы малейшего ухудшения хозяйственно-политических отношений с РСФСР, дающей хлеб, которое роковым образом повлияло бы на состояние и развитие наших ценных технических культур.

Положение это, конечно, не выдерживает никакой критики. Советский Союз — это социалистическое отечество трудящегося народа, которого объединяет единство интересов в защите труда и в строительстве коммунистического государства. Поэтому хозяйство должно строиться, исходя из этого единства. Всякие отклонения от него в сторону так называемой автаркии для Грузии является безусловно вредным и недопустимым в интересах рабочего класса. Это для меня в настоящее время аксиома, не требующая никакого доказательства.

Третья ошибка — это то, что в 1928/29 г<одах> я написал работу по методу моего тогдашнего учителя проф<ессора> Эребо, к которому я был командирован для научной подготовки по организации сельскохозяйственного производства. За время пребывания в Германии я ознакомился как теоретически, так и практически с сельским хозяйством Германии. Изучил в совершенстве методы проф<ессора> Эребо и написал под его руководством диссертационную работу.

Повторяю, работа эта написана от начала до конца по методу буржуазного профессора.

С точки зрения Марксистско-Ленинской методологии работа моя, написанная у Эребо, не выдерживает никакой критики. Работу я отвергаю целиком и полностью. Спорить и доказывать мне неприемлемость буржуазных методов для нас, их несостоятельность, вульгаризм и т<ак>

д<алее> значило бы ломаться в открытую дверь, говорить мне без нужды об азбучной истине.

За время после возвращения моего в Грузию я настолько освоился в теории и практике нашего социалистического строительства, что о недопустимости буржуазных методов организации хозяйства в наших условиях их неприемлемости у меня не остается никаких сомнений.

Ряд лет службы по сельскому хозяйству в различных Советских органах как оперативных, так и плановых, научно-исследовательских и учебных (ГрузНар, Загосплан, Институт по удобрениям, Сель<ско>-Хоз<хозяйственный> Институт, Госупт и проч<ее>), детальное изучение теории и практики гигантской работы по социалистической реконструкции Сельского хозяйства Советского Союза дали мне в этом отношении необходимый опыт и кругозор. В начале года по мобилизации Бюро ЦК КП (б) Грузии я работал в Самтресте на ответственном посту Заведующего Планово-Финансовым Сектором Управления животноводства, где я к моему глубокому сожалению, вследствие болезни (расширение сердца и высокое кровяное давление) не смог долго остаться. Ни в одном из этих учреждений за все время моей службы в них плохих отзывов о моей работе я не получал, и никаких уклонов не имел от Генеральной линии Партии, которую я все время проводил и буду проводить.

И в Сельскохозяйственном Институте со времени моего пребывания там в качестве доцента по организации социалистического сельского хозяйства (1930-1935) я не имел ни одного замечания о каких-либо ошибках, допущенных мною на лекциях или практических занятиях. Напротив, мои выступления в борьбе на идеологическом фронте (например, по поводу работ Яшвили) были признаны наилучшими по полноте и выдержанности Марксистко-Ленинского подхода к вопросам.

Ошибки, приведенные выше, допущены мной без всякого злого умысла. Вся моя работа здесь, после возвращения из Германии, да и в самой Германии, весьма положительная оценка деятельности Советской власти в Грузии в области Сельского Хозяйства, данная в моей работе, поскольку имевшиеся у меня тогда в Берлине материалы и обстановка работы мне это позволяли, — доказывает это в достаточной степени.

Прошу Вас принять во внимание чистосердечное признание допущенных мною ошибок, относящихся к годам пребывания моего в Германии (1928/29 г<одах>), и не прекращать мне возможности и в дальнейшем продолжать плодотворную работу на пользу социалистического строительства.

А. С. Хубутия.

11-XI-1935 г<ода>.

г<ород> Тифлис, ул<ица> Меликишвили, 39